

стран, их интернационализм.

Подвижные игры пионеров тоже проводили идеи интернационализма и коммунистической солидарности. Например, в играх, описанных в журнале «Барабан» – «Пионеры Берлина» и «Перешлем «Барабан» пионерам Германии» – советские пионеры передают своим немецким товарищам детскую советскую литературу или она фигурирует в самой игре (журнал «Барабан» и газета «Пионерская правда») [12, с. 24].

Итак, на материалах фондов МИДД раскрывается картина дружбы и взаимопомощи советских и немецких пионеров 1920-х гг. По ним можно проследить, какие темы во взаимоотношениях были актуальны в 1920-е гг. и заключить, что они несколько отличались от того, что стало актуально в следующем десятилетии. Нужно отменить сильный интерес к жизни и деятельности друг друга, участие представителей в значимых мероприятиях как немецких, так и советских пионеров (несмотря на негативное отношение к этому властей Веймарской Республики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Genin G. Kulturfeldzug der Moskauer Pioniere // Das Proletarische Kind. Herausgegeben vom exekutiv-komitee der kommunistischen jugendinternationale. 1929, Heft 2, Februar. P. 40–43. МИДД. КП 12771 Ф-ХІ-266
2. Schulgin W.N. Die Politische Klassenerziehung der Kinder // Das Proletarische Kind. Herausgegeben vom exekutiv-komitee der kommunistischen jugendinternationale. 1929, Heft 4, April. P. 99–102. МИДД. КП 12772 Ф-ХІ-267
3. Альбом Пионерского фотолюбительского кружка Центрального Дома юных пионеров Хамовнического района г. Москвы, подаренный Всегерманскому объединению рабочих фотографов. 1929 г. МИДД. КП 6946 Ф-У-91
4. Вместе с отцами (письма зарубежных пионеров) / Под ред. Международного детбюро ИК КИМ'а; Сост. К. Регина, Б. Белла. М.–Л.: МГ, 1928. 64 с. МИДД. КП 4622, Ф-УІ-1080.
5. Гернле Э. Детское коммунистическое движение / Пер. с нем. 4-е изд. Харьков: Пролетарий, 1925. 120 с. МИДД. КП 674, Ф-УІ-77
6. Дарси К. Мировое детское коммунистическое движение. Доклад V всемирному конгрессу КИМ. М.–Л.: МГ, 1929. 26 с. (Библиотека V конгресса КИМ). МИДД. КП 10153, Ф-УІ-1789
7. Делегаты Международного слета пионеров в Артеке. МИДД. Ф. I (Негатека Я.Е. Берлина). Оп. 1. Кор. 36–39.
8. Ерешко А.Е., Ефимова Е.А. Публикация воспоминаний о деятельности первого пионерского отряда г. Ново-Борисова Минской губернии [см. данный сборник]
9. История Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина в хронике дат и событий. В 2-х ч. / Под общ. ред. В.К. Криворученко. Ч. 1. М.: МГ, 1985. 248 с.
10. Львов Л.И. Воспоминания старого пионера. МИДД. КП 6131, Ф-УІІ-239
11. Наша всемирная мать / сост. В. Лир [В.Ф. Куличенко]. Харьков: Всеукр. о-во содействия "Юному ленинцу", 1924. 40 с. (Библиотека юного ленинца; № 31). МИДД. КП 2863, Ф-УІ-712
12. Пионерские игры // Барабан. 1925. № 6. С. 24. КП 2734 Ф-УІ-689
13. Свистов В.Т. Артек – за годом год... Летопись Международного Детского Центра. Запорожье: МП «Берегиня», 1996. 272 с.
14. Серия из шести открыток детских домов МОПР'а. Saladruck. Zieger & Steinkopf, Berlin SO 16. [1924–1932 гг.]
15. Спутник юного ленинца. Харьков: Всеукраинское О-во Содействия "Юному Ленинцу", 1924. 246 с. МИДД. КП 4524, Ф-УІ-1054
16. [Шамет Н.О.] Наши друзья во всем мире / Сост. Н.Ш. М.–Л.: МГ, 1925 [На обл. дата: 1924]. 51[1] с. (У костра). МИДД. КП 4127, Ф-УІ-917

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ ГЕРМАНИИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ 1920–1940-Х ГГ. В ПЕРЕПИСКЕ С МИТРОПОЛИТОМ ЕВЛОГИЕМ (ГЕОРГИЕВСКИМ)

Каиль М.В. (г. Смоленск, Россия)

Митрополит Евлогий (Георгиевский) без сомнения является центральной фигурой в истории российского церковного зарубежья второй четверти XX века. Будучи одним из двух наиболее статусных и авторитетных архиереев Русской Православной Церкви Зарубежом (оппонировавшим Архиерейскому Синоду сформированному Антонием (Храповицким) в Сремских Карловцах) он стал центром объединения для широкого круга эмигрантов – выходцев из разных социальных слоев, носителей разных политических и социальных убеждений.

Родившийся в центральной России (Тульской губернии) будущий митрополит по окончании Московской духовной академии в 1892 г. и принятии монашества в 1895 г. вскоре был переведен в Холм ректором духовной семинарии (1896 г.) – начался долгий период его служения на окраине империи в регионе со сложным и конфликтным этнорелигиозным профилем. С 1902 г. он был уже епископом Люблинским, викарием Холмско-Варшавской епархии, после разделения которой в 1905 г. стал епархиальным архиереем Холмским и Люблинским. Впереди была работа в двух составах Государственной Думы, отказ от членства в IV созыве, где ему предложили возглавить особую фракцию духовенства. Накануне войны в 1914 г. стал архиепископом Волынским и Житомирским. По личному поручению государя руководил церковными делами в оккупированной Галиции, был членом Предсоборного Совета и Поместного Собора. В конце 1918 г. арестован петлюровцами в Киеве, освобожден летом 1919 г. – вернулся в Новороссийск, где пробыл до января 1920 г., когда навсегда покинул Рос-

сию., обосновавшись в Королевстве СХС. С 1921 г. – управляющий приходами в Западной Европе (сначала получив назначение от ВЦУ в Константинополе, а затем от Патриарха Московского Тихона, 30 января 1922 г. с возведением в сан митрополита). Далее возник тлеющий конфликт между старейшим иерархом в эмиграции митрополитом Антонием (Храповицким), Фанаром и волей Патриарха Тихона, назначившего Евлогия возглавить все заграничные церкви и определить порядок их управления. Конфликт привел к запрещению Евлогия решением Архиерейского Собора РПЦЗ в 1927 г.

Митрополит Евлогий, желая сохранить церковный мир и не раз уступая в спорах фактически за власть митрополиту Антонию и прибегая к посредничеству Константинопольского патриарха Мелетия, лишь обострил борьбу, дошедшую до запрещения его в служении в 1931 г. Тогда Евлогий, не имея твердой опоры в Москве, связь с которой была непостоянной и обремененной влиянием государства атеистической власти на заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), перешел под омофор Вселенского Патриаршего Престола в качестве экзарха Константинопольского патриарха – управляющего православными приходами в Западной Европе.

Проведя при посредничестве Константинополя тяжелейшие переговоры осенью 1935 г. в Сремских Карловцах, ограничивших его в правах, он вернулся в Париж (постоянное местопребывание), где подписанное им в Карловцах “Временное положение” об управлении Западно-Европейской митрополии было отвергнуто на Епархиальном собрании.

Одним из наиболее острых стал конфликт за подчинение Сремским Карловцам (Архиерейскому Синоду РПЦЗ по влече с митрополитом Антонием) евологианских приходов в Германии [5, с.145].

Постановлением Архиерейского Синода РПЦЗ 1 июля 1926 г. территория Германии была выделена в самостоятельную епархию во главе с епископом Берлинским и Германским Тихоном (Ляшенко). К 1935 г. на территории Германии было 4 прихода карловчан, Евлогию подчинялось 9 приходов зарегистрированных в период Веймарской республики (позднее возникла проблема как с регистрацией так и с перерегистрацией религиозных общин вследствие которой 4 фактически действующих прихода прав юридического лица и регистрации лишились) [4, л. 4]. По официальной информации к середине 1930-х гг. в стране было свыше 13 тыс. православных [6, с.8]. Единственной общиной Германии подчиненной Московскому Патриархату был приход протоиерея Григория Прозорова в Берлине.

При этом священноначалие каждой из юрисдикций обращалась к официальному правительству Германии с просьбами о поддержке своих приходов, подчеркивая как свою каноническую безупречность, так и лояльность существующим гражданским властям страны. Подобная ситуация была характерна и для других европейских стран, где сложились конкурирующие православные юрисдикции. Но положение в Германии обострялось резким изменением политического курса страны в 1930-е гг. При этом в число неблагонадежных православных власти рейха посчитали именно евологианские приходы, как в силу административного подчинения кафедре находившейся в Париже, так и подозревая их во враждебности рейху [8, с.187].

Гестапо повело кампанию по государственному признанию карловацкой епархии, которое, по мысли ее организаторов, должно было способствовать переходу под управление карловчан евологианских приходов Германии. Назначенному в мае 1935 г. митрополитом Евлогием в качестве управляющего православными приходами Германии епископу Сергию (Королеву) власти отказали в регистрации и побудили покинуть страну. Евлогиане проявляли удивительное единство и стойкость. Власти Германии пошли даже на строительство фактически на свои средства нового православного собора (Воскресения Христова) в Берлине [9, с. 53-57]. Конец 1930-х гг. стал периодом острой борьбы властей Германии буквально против каждого евологианского прихода. С целью склонения верующих к юрисдикционному переходу власти пошли даже на замещение одного карловацкого иерарха архиепископа Тихона (Лященко) другим – епископом Серафимом (Ляде). Положение дел изменило лишь принятие закона о землевладении Русской Православной Церкви в Германии в 1938 г. Опираясь на этот закон, карловацкой епархии были переданы здания церквей и недвижимость, находившаяся в распоряжении евологиан в Баден-Бадене, Эмсе, Дармштадте, Штутгарте, Висбадене [9, с. 72-84]. Последним оплотом евологианского сопротивления оставался Дрезден. Из страны пытались выслать благочинного евологианских приходов архимандрита Иаонна (Шаховского), однако евологианская юрисдикция в Германии сохранилась вплоть до начала Второй Мировой войны.

После изменения вероисповедной политики в СССР и восстановления патриаршества с февраля 1945 г. Евлогий взял курс на восстановление канонического подчинения Москве, 29 августа 1945 г. каноническое воссоединение состоялось. Константинополь же так и не дал Евлогию отпускной грамоты вплоть до кончины митрополита 8 августа 1946 г. Западный экзархат стал заложником в борьбе Москвы и Вашингтона (последний стремился контролировать внешнеполитическую деятельность Фанара) в новых геополитических условиях, сложившихся по окончании Второй Мировой войны.

Владыка Евлогий имел широчайший круг общения и в отличие от большинства иерархов эпохи оставил достаточно репрезентативный архив, включающий и значительную подборку писем к нему разных лиц, как священства и монашества различных приходов из разных стран российского рассеяния, так и светских лиц различных чинов и званий, вплоть до членов императорской фамилии. Этот уникальный корпус источников хорошо известен в историографии как фонд Евлогия Георгиевского (ф. 5919 ГА РФ), однако, прежде корпус писем к владыке не был предметом отдельного рассмотрения. Между тем, эти материалы, отражая персональное, ин-

дивидуальное переживание событий “большой истории” вносят существенно новое понимание в том числе в оценку самими участниками событий эпохи юрисдикционных разделений в зарубежном православии, проблем церковного строительства и внутрицерковных отношений, отражают объективное состояние церковной жизни в отдельных странах и отдельных церковных центрах, положение которых было столь различным, что едва ли может быть описано “в целом” общими характеристиками “церковного зарубежья”. В этом смысле частные письма участников церковной жизни и ее творцов позволяют получить многообразное представление о содержании церковной жизни второй четверти XX века.

Корреспондентами владыки были многие лично знакомые и незнакомые ему православные. Так, в 1922-1923 гг. он получил несколько писем настоятельницы Радочицкого женского монастыря Холмской епархии игумении Афанасии (Громеко) из Петрограда, где она в ту пору пребывала с остатками эвакуированного с Холмщины монастыря. Как видно из писем, владыка и словом и делом поддерживал знакомую настоятельницу, отправлял ей в Петроград письма, деньги и вещи. А игумения, в свою очередь, делилась с архипастырем своими самыми сокровенными опасениями и переживаниями. Так, она писала: “Мы боимся, что будет незаконный собор, который захочет низложить патриарха. Может быть и не допустит этого Господь, но ведь теперь власть тьмы”. Она вопрошала “Не кажется ли Вам, Владыко, что теперь церковь вступает в последнюю фазу своего земного бытия, когда все видимое должно исчезнуть, и святые Мощи, и Чудотворные Иконы...” [7, с. 365].

Матушка сетовала и на духовное состояние своей обители: “Еще очень тяжело наше внутренне разложение, у нас в обители. Давно уже нет монастыря, и не потому... что он официально закрыт, а потому, что нет давно духа монашеского, полное обособление, каждый только думает про себя и про свою выгоду. В миру великое тяготение к монашеству. Вот когда можно бы иметь интеллигентных сестер сколько угодно” [7, с. 371]. Сообщала монахиня и о новостях церковной жизни Петрограда – церковной деятельности епископа Мануила (Лемешевского) против обновленцев и о закрытии Иоанновского монастыря на Карповке – “здание взято рабочими, церкви запечатаны. Гробница батюшки пока здесь, но идут тревожные слухи” [7, с. 373-374]. Можно только представить как подобные вести отзывались в митрополите, лично знавшем праведного Иоанна Кронштадтского.

Благодаря таким письмам у митрополита Евлогия формировалось целостное представление о церковной жизни в советской России, и принимая решения в юрисдикционных спорах он мог опираться на живые свидетельства лично знакомых ему православных в России, в чьих оценках он мог быть уверен вполне.

Среди корреспондентов владыки была и дочь Ф.М. Достоевского Любовь Федоровна. Она просила владыку совершить богослужение в Берлине в день 100-летия отца – 11 ноября 1921 г. В письме она делилась своими воспоминаниями о последних часах отца, проведенных им как истинным христианином в молитве и слушании Евангелия. Спустя месяц Любовь Федоровна благодарила митрополита за совершенную обедню и писала “жду в России расцвета веры, который наступит тотчас после окончания революции” [2, л. 1-2].

Как известно, митрополит Евлогий не поддержал политического монархизма, свойственного карловацкому Синоду. Однако, к нему обращались и представители императорского дома Романовых. В июле 1923 г. великий князь Николай Николаевич благодарил митрополита за поздравление с днем Ангела в самых возвышенных фразах оценивает высоту служения митрополита и выражает высокое почитание [3, л.1-2]. В ноябре 1926 г. Николай благодарил архипастыря за поздравление с днем рождения, выражая свою осведомленность о возвращении владыки в Париж и испрашивая архипастырских молитв [3, л. 3].

Один из клириков Франции писал владыке в феврале 1927 г. о безоговорочной и полной своей и прихожан поддержке выражаемой ему как поставленному Патриархом Московским архиерею [1, л. 1].

Для монархистов и представителей Студенческого христианского движения, представителей нобилитета прежней Российской империи и прихожан десятков русских храмов в нескольких европейских странах митрополит Евлогий был опорой в непростой жизни в эмиграции. Осуждаемая многими мягкость архиерея в юрисдикционных спорах удивительным образом обращалась в устойчивость и единство “евлогианских” приходов, большинство из которых в послевоенной Европе будет интегрировано в семью храмов Московского Патриархата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) – Ф. 5991. Оп.1. Д.55.
2. ГАРФ. Ф.5991. Оп.1. Д.56.
3. ГАРФ. Ф.5991. Оп.1. Д.91.
4. ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д.228.
5. Косик, В.И. Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии / В.И. Косик. – М.: ПСТГУ, 2008. – 400 с.
6. Никитин, А.К. Нацистский режим и русская православная община в Германии (1933-1945) / А.К. Никитин. – М., 1998. – 420 с.
7. Письма игумении Афанасии (Громеко) митрополиту Евлогию (Георгиевскому) / пред. Н.Т. Энеевой // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. / отв.ред. Н.Т. Энеева. М.: Наука, 2005. – 452 с.
8. Шкаровский, М.В. История русской церковной эмиграции / М.В. Шкаровский. – СПб.: Алетейя, 2009. – 358 с.
9. Шкаровский, М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов. Сборник документов / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, ОЛЦИ, 2003. – 366 с.